

Глава 26. Тесная связь (Губы и зубы)

Дядя спросил его:

— Пойдёшь к матери? Заглянешь?

Дверь в комнату была плотно закрыта. Пока они разговаривали, из-за неё отчётливо доносилось бормотание — женщина говорила сама с собой, время от времени раздражаясь жутким, леденящим душу смехом.

Лу Цунбай долго смотрел на эту дверь, чувствуя невыразимую горечь. Наконец он покачал головой.

— Пожалуй, нет. Она меня ненавидит. В прошлый раз, когда я её видел, она грозилась меня задушить.

Тётя усмехнулась:

— Да она многих придушить хочет. Зайдёшь, когда она будет в ясном уме. Недавно она про тебя спрашивала.

— Просила... что именно? — Лу Цунбай замер.

— Да никак не могла понять, в первом ты классе или ещё в детском саду, — ответила тётя. — Я ей сказала, что ты уже в старшей школе.

Дядя вздохнул:

— Эх, ну и ладно, не ходи. Она всё равно только гадости говорит, ранит тебя почём зря. Не бери в голову.

Супруги хотели оставить ребят на ужин. Тётя особенно переживала: она уже подумывала сходить в курятник и зарезать птицу, чтобы хоть раз накормить Лу Цунбая досыта.

Тот отчаянно отказывался, уверяя, что если они сейчас поедут обратно, то ещё успеют в школьную столовую. Он снова и снова благодарил родственников.

Девятый дядя тоже вставил слово:

— У меня в закуской еды вдоволь, да только малец этот — гордец, не хочет быть в долгу. Как ни зазывай, ни в какую не идёт.

Дядя посмотрел на Лу Цунбая и наставительно произнёс:

— Раз Девятый дядя зовёт — иди, нечего добрыми намерениями разбрасываться. Ешь вдоволь, а я потом с ним сочтусь.

Лу Цунбай покраснел и растерянно закивал:

— Хорошо. Спасибо, дядя.

Девятый дядя лишь хмыкнул:

— Что там сводить... Мне за радость, что вы заглянули.

День близился к концу. Девятый дядя отвёз парней обратно, к дому напротив Четвёртой средней школы города Т.

Перед тем как попрощаться, он, казалось, хотел что-то сказать Лу Цунбаю. Рот его приоткрылся, но в итоге он лишь выдавил:

— Ешь побольше и учись хорошенько. Посмотри на себя — кожа да кости.

Лу Цунбай коротко кивнул.

Машина тронулась, и Девятый дядя уехал. Ребята остались стоять у обочины, глядя на школу.

Над зданием раскинулся закат — небо окрасилось в нежно-розовые и лиловые тона. Там, где его не загораживали высотки, оно казалось бескрайним и свободным. На дорогах уже выстроились тележки с уличной едой. Группки учеников в форме Четвёртой средней школы города Т облепили лотки, дожидаясь своих заказов.

Янь Шань и Лу Цунбай стояли в стороне. Оба в школьной форме, они легко затерялись в пёстрой толпе, не привлекая лишнего внимания.

Спустя минуту Янь Шань нарушил тишину:

— Пойдёшь в столовую? В такое время там, скорее всего, уже шаром покати.

Останется разве что холодная жижа от овощного супа. Хотя Янь Шань не сомневался: Лу Цунбай съел бы и пустой рис, политый этим бульоном.

Это был их первый нормальный разговор после той драки.

Лу Цунбай помолчал, прежде чем ответить.

— Пожалуй, не пойду.

Снова повисла пауза.

— Хочешь, я угощу тебя порцией лянпи? — предложил Янь Шань.

Лу Цунбай поднял голову и посмотрел на него. Он был изумлён, но в его глазах наконец-то проснулась жизнь.

Не дожидаясь ответа, Янь Шань потянул его за лямку рюкзака:

— Пойдём, тут за мостом есть лавочка лянпи у моста.

В лавочке «Лянпи «Шестипалый Вэнь» заправлял хозяин по прозвищу дядя Вэнь. У него на руке действительно было шесть пальцев, и когда он резал лапшу, нож в его руках мелькал так быстро, что соломка разлеталась, точно лепестки цветов.

Лянпи у него были отменные. Янь Шань заглядывал сюда часто и несколько раз приносил еду на вынос для Лу Цунбая.

Время вечерних занятий только началось, так что в заведении, кроме них, никого не было. Парни самозабвенно прогуливали урок, уплетая лапшу. Об учёбе никто не заикался — обоим требовалась передышка.

Перед ними поставили миски: мелко нарезанные огурцы, хрустящий жареный арахис, нежная, тающая во рту рисовая лапша и густой, ароматный соус.

Янь Шань был зверски голоден. Опустошив половину миски в несколько глотков, он понял, что слишком торопится. Он поднял взгляд на соседа — тот, словно одержимый, уже доскребал дно.

В лавочке дяди Вэня можно было бесплатно брать добавку. Янь Шань, отбросив скромность, просил её дважды, а Лу Цунбай — трижды, и только тогда они почувствовали, что червь внутри наконец-то затих.

Дядя Вэнь, проходя мимо, молча глянул на них. Спустя пару минут он вернулся с двумя бутылками соевого молока.

— Это от меня, — коротко бросил он, вставляя соломинки. — Пейте, а то подавитесь.

Лу Цунбай вытаращил глаза. Рот его был забит лапшой, и он не знал, как реагировать на такую доброту.

Янь Шань же, не переставая скрести палочками по миске, пробормотал с набитым ртом:

— Дядь Вэнь, спасибо!

— Да не за что! — отозвался тот из кухни.

Лу Цунбай робко взял бутылку. Он часто видел эти сладкие напитки, но сам никогда не покупал. Одна бутылка стоила три с половиной юаня — почти столько же, сколько стоил его скромный обед.

Он чувствовал себя не в своей тарелке. Но увидев, как Янь Шань уже вовсю прикладывается к своей бутылке, набрался смелости и осторожно потянул через трубочку. Сладкий, с нежным сливочным вкусом — напиток показался ему божественным.

Наблюдая за тем, как Лу Цунбай усердно пьёт молоко, Янь Шань мысленно подбирал слова. Когда он наконец подготовился, то подпёр голову рукой и негромко произнёс:

— Хочу извиниться перед тобой. Я не должен был лезть с кулаками первым, это было неправильно. И... спасибо, что закрыл меня тогда. Эта лапша — мой знак благодарности.

Он сделал паузу и добавил уже с оттенком горечи:

— Но я всё ещё злюсь на то, что ты продал мою картину, даже не посоветовавшись. И на то, как ты о ней отозвался.

Лу Цунбай быстро взглянул на него и снова уставился на свою бутылку.

— Прости... — едва слышно прошептал он.

Сказав это, он замолчал, низко опустив голову, словно приготовился к любому приговору.

Янь Шаню казалось, что он вытягивает из собеседника слова клещами. Потеряв терпение, он решил рубить сплеча:

— Учитель Су сказал, что мне стоит выслушать твои объяснения, прежде чем окончательно разрывать дружбу. Тебе есть что сказать?

— Я... я продал её, потому что мне нужны были деньги, — начал Лу Цунбай. — У меня совсем не осталось средств на жизнь, поэтому пришлось...

Он судорожно вздохнул.

— Картина была действительно чудесной. Я не хотел с ней расставаться, правда. Но выбора не было. Тот человек предлагал всего сотню, я счёл это оскорблением и выторговал пятьсот. Хотя, по-моему, она стоит гораздо больше. Тысячи, а то и десятки тысяч... ведь это ты её нарисовал. Хотя, возможно, я просто предвзят.

Лу Цунбай украдкой глянул на Янь Шаня и тут же отвёл глаза. Вспомнив кое-что, он лихорадочно начал рыться в рюкзаке. Достав из внутреннего кармана визитку, он протянул её другу.

— Тот человек просил передать это тебе. Сказал, что у него своя галерея, и он хотел бы обсудить твоё творчество.

Янь Шань взял визитку, изучая её, но не отступал:

— А почему тогда ты сказал, что мои работы стоят сущие гроши? Что это значило? Тебе они показались мусором?

Лицо Лу Цунбая вспыхнуло, он заговорил быстро, сбиваясь:

— Вовсе нет! Просто на той картине была моя одежда... та самая, которую я только купил и собирался носить вечно. Я разозлился из-за этого. Я хотел сказать, что продал её, но не за ту цену, которую она заслуживает в моих глазах. Ей место в музее, понимаешь? Просто когда я волнуюсь, язык меня не слушается...

Он говорил и говорил, запутываясь всё сильнее. В конце концов он обречённо выдохнул и поник на стуле.

— Не получается... Видимо, зря мне язык дан.

Янь Шань, до этого сидевший с каменным лицом, внезапно фыркнул и рассмеялся:

— Надо же, в порыве чувств даже себя обругал.

Лу Цунбай посмотрел на него.

Янь Шань закинул руки за голову и потянулся.

— Ну и каша у нас в головах... — пробормотал он.

Янь Шань больше не злился.

По пути обратно он вёл Лу Цунбая через мост. Под ними несла свои воды широкая река, делившая город Т на две части. Их крошечный уголок назывался районным сообществом Цяоди. Поговаривали, что недавно кто-то из учеников Четвёртой средней школы города Т пытался спрыгнуть с этого моста, но, к счастью, парня успели спасти.

Вид с моста открывался великолепный.

Спустилась ночь. Речная гладь казалась чёрным зеркалом, в котором дрожали огни набережных. Вдалеке сияли небоскрёбы торговых кварталов — яркие, золотистые, манящие. Там кипела жизнь, к которой они, бедные студенты, не имели никакого отношения.

Лу Цунбай остановился. Силы покинули его, и он навалился грудью на перила, глядя вдаль. Янь Шань, опасаясь за душевное состояние друга, встал рядом.

Позади с шумом проносились машины, мимо спешили люди. А на мосту замерли два одиноких сокола, обретших на миг свободу.

— Тебе не любопытно? — внезапно спросил Лу Цунбай. — Насчёт моей семьи? Про Лу Цзюня, мать... про всех этих странных людей?

— Знаешь, — ответил Янь Шань, — меня гораздо больше волнуешь ты сам. Но если хочешь рассказать — я слушаю.

Лу Цунбай прижал подбородок к холодным перилам.

— Я пока не готов. Дай мне время всё обдумать, и тогда я расскажу.

— Значит, пока не будем об этом.

Рёв автомобилей заглушал все остальные звуки. Янь Шань случайно повернул голову и увидел, что Лу Цунбай смотрит на воду, а по его щекам текут слёзы. Он плакал совершенно беззвучно.

Янь Шань отвернулся, делая вид, что ничего не заметил.

Лу Цунбай шмыгнул носом и вытер глаза рукавом.

— Хватит притворяться, ты же всё видел.

Он сглотнул ком в горле.

— Янь Шань, ты дважды угощал меня лапшой. Я обязательно верну долг. Ты... ты по-настоящему хороший человек.

— Тогда пообещай, что не будешь больше всё держать в себе. И не будешь огрызаться, когда нервничаешь. Неужели нельзя выражаться как-то по-другому? Ты вечно так делаешь, а я потом мучаюсь, гадая, в чём я провинился, — с усталым вздохом произнёс Янь Шань. Он достал салфетку и принялся вытирать слёзы с лица друга.

Лу Цунбай, обычно кремень, сейчас не мог остановиться — плотину прорвало.

— Я... я отплачу тебе... заработаю кучу денег и завалю подарками... — всхлипывал он. — Я просто не хотел, чтобы ты видел всю эту грязь за моей спиной. Мне было... стыдно.

Янь Шань задумчиво посмотрел на реку.

— Тут нет ничего постыдного. Ты и так справляешься лучше многих. Мы выберемся, Лу Цунбай. Жизнь обязательно станет лучше, вот увидишь. Давай договоримся: в будущем, если возникнет недопонимание, мы не будем ссориться и копить обиды. Будем сразу во всём разбираться. У меня мало друзей, и если ты будешь так меня изводить, мне будет очень больно.

Янь Шань протянул мизинец, предлагая скрепить уговор.

Лу Цунбай шмыгнул носом и сцепился с ним пальцами.

— Клянусь, — серьёзно произнёс он. — Если я снова тебя рассержу, буду псом.

Янь Шань усмехнулся:

— Ловлю на слове. Теперь я спокоен.

Лу Цунбай слишком дорожил своим достоинством, чтобы добровольно превратиться в «пса».

Янь Шань всё ещё держал его за палец, шутливо подёргивая и кривляясь. Лу Цунбай, сквозь слёзы и смех, пытался высвободиться.

— Перестань, ну что ты делаешь...

— Ты сам согласился на мировую, так что не жалуйся! — хихикал Янь Шань.

Он продолжал дурачиться, пока Лу Цунбай не перехватил его руки за запястья, лишая возможности двигаться. Янь Шань замер, всю глядя на друга. Тот смотрел в ответ, и в его душе дрожали невысказанные чувства.

Янь Шань уже хотел вырваться и продолжить игру, но Лу Цунбай внезапно резко потянул его на себя.

Притянул и крепко обнял.

Янь Шань застыл от неожиданности. Они были почти одного роста, и объятие вышло удивительно естественным. Грудную клетку словно прошило разрядом тока — жар мгновенно разлился по телу, вызывая лёгкое онемение. Он снова почувствовал этот тонкий, свежий аромат стирального порошка, исходящий от формы Лу Цунбая.

Лу Цунбай подержал его так несколько секунд, а затем прошептал прямо на ухо:

— Спасибо.

Янь Шань на мгновение замер, а затем расслабился и крепко обнял его в ответ. В этот момент он почувствовал, что стал для Лу Цунбая той самой опорой, в которой парень так отчаянно нуждался.

— Можешь ругать меня сколько влезет, но не смей трогать мои картины, понял? — ворчал Янь Шань на обратном пути. — Это всё, что у меня есть. Если ты и это растопчешь, мне в жизни вообще зацепиться будет не за что.

— Миллион извинений, — покорно отозвался Лу Цунбай. — Я научусь следить за языком. Хочешь сходить со мной в одно место?

— Куда это?

На следующий день, когда весеннее солнце щедро заливало город светом, у старшеклассников Четвёртой средней школы города Т выдалось свободное воскресное утро. Лу Цунбай привёл Янь Шаня к автобусной остановке, и они отправились на окраину города, на общественное кладбище.

Стройные ряды изумрудных туй и кипарисов обрамляли надгробия. Кладбище утопало в зелени и казалось тихим, умиротворённым садом. Лу Цунбай уверенно вёл друга по тропинкам, пока не остановился у одной из плит.

— Меня воспитывала бабушка, — спокойно заговорил он, опускаясь на корточки и кладя перед могилой букет гладиолусов. — Мать больна, а Лу Цзюнь сбежал с той женщиной, так что бабушка забрала меня к себе. Мы жили вместе, пока я не пошёл в старшую школу. Она была директором начальной школы и всегда твердила: учение — это единственный путь. Только так я смогу выжить сам. Вот я и старался из всех сил.

Он замолчал на мгновение, глядя на имя, высеченное в камне. Его рука бережно стёрла пыль с поверхности.

— Потом наш дом попал под снос. Пока бабушка болела, Лу Цзюнь втайне подписал бумаги и забрал все компенсационные деньги. Всё до копейки просадил в азартные игры. У бабушки не осталось средств на лечение, не осталось крыши над головой... Вскоре её не стало.

Янь Шань медленно подошёл ближе. словно ребёнок, он робко присел рядом и положил маленький букет хризантем. Взглянув на дату смерти — всего месяц назад, — он негромко спросил:

— Тебе не на что было есть, потому что ты потратил все деньги на этот участок для бабушки?

Лу Цунбай кивнул.

— Я хотел, чтобы у неё было место, где она сможет спать спокойно.

Некоторое время они сидели в тишине.

— У меня была бабушка. Она меня учила. Я не «невоспитанный дикарь», — прошептал Лу Цунбай.

Янь Шань вздрогнул. Эти слова эхом отозвались в памяти — именно так он в сердцах обозвал друга во время драки. Тогда они не знали миров друг друга и с пугающей точностью ударили по самым больным местам.

«Какое редкое единодушие...» — горько подумал он.

Чувство вины захлестнуло его.

— Прости. Я не должен был так говорить. Прими мои извинения.

— Принимаю, — отозвался Лу Цунбай.

На кладбище царил торжественный покой. Вдалеке виднелись другие люди, пришедшие навестить ушедших. Два подростка сидели на траве перед могилой, скрестив ноги. Со старой фотографии на них смотрела молодая женщина — их бабушка. Она улыбалась мягко и печально, не давая никаких наставлений.

Янь Шань вздохнул и заговорил:

— Мой отец был алкоголиком. Когда напивался, пускал в ход кулаки. Мать не выдержала и сбежала. В тот год, когда я был в девятом классе, он допился до смерти. Теперь я сирота. С одной стороны — одиноко, с другой — меня больше никто не бьёт. Даже не знаю, чего тут больше: хорошего или плохого.

Он грустно усмехнулся:

— Мать забрала с собой брата. В тот день я сам провожал их до вокзала. Когда я вернулся, отец избил меня так, что я четыре дня не мог подняться с постели. Если бы Пэй-пэй не пришёл проведать меня и не позвал Девятого дядю, я бы, наверное, просто умер там от голода.

Он закончил рассказ так спокойно, будто это была история о ком-то другом. Затем он повернулся к Лу Цунбаю и серьёзно произнёс:

— Секрет за секрет. Теперь мы квиты.

Лу Цунбай долго смотрел на него, и его лицо смягчилось. Он глубоко вздохнул.

— Янь Шань, ты сделал для меня так много... Я даже не знаю, как тебя благодарить. Сдаёшь мне отличную комнату за гроши, кормишь вкусной едой... Я всё это помню.

— Если бы я просто предложил тебе денег, ты бы не взял, верно? — проворчал Янь Шань, легонько толкнув друга плечом. — Упрямый как осёл. Чем больше дорожишь кем-то, тем вежливее становишься, лишь бы не быть в долгу. Но я бы хотел, чтобы ты говорил мне о своих трудностях прямо. Даже если я не смогу помочь, я всегда готов выслушать твоё нытьё.

Лу Цунбай смущённо опустил голову и улыбнулся:

— Я просто не хотел обременять вас. Ты, Девятый дядя, Пэй-пэй... вы все потрясающие люди.

— А я не боюсь проблем, — фыркнул Янь Шань. — Всё равно я один, мне бывает чертовски скучно. Так что помощь тебе — это моё развлечение.

Лу Цунбай спросил:

— Но как же мне всё-таки отплатить тебе?

Янь Шань рассмеялся:

— Учись хорошенько. Вот разбогатеешь когда-нибудь, тогда и поговорим. — Он на секунду задумался и добавил: — А когда добьёшься успеха, не забудь сводить меня на хот-пот. Много-много раз. В самый дорогой ресторан, какой только найдёшь.

Лу Цунбай решительно кивнул:

— Обязательно.

<http://bllate.org/book/17575/1713226>